

Глава 1

Даша

Жарко. Солнце уже село, но летняя духота не спадает, кажется, что растаю прямо сейчас, а была бы зима, прямо тут превратилась бы в ледышку. Так и не соберусь в нормального человека никогда.

Иду, постукивая каблуками, во дворах пусто, поэтому стук громкий. Темно уже, бабульки все спят, дети тоже, а молодежь у нас почему-то не собирается никогда, все в парке неподалеку тусят, а тут тишина и спокойствие.

Но в тишине этой и в стуке каблуков моих спокойствия отчего-то дико мало. По затылку странные мурашки бегут, ощущение, что кто-то наблюдает за мной, и надеюсь, это просто один из соседей в окно на ночь глядя посмотреть решил, а не... Не знаю, что «не». Спотыкаюсь на ровном месте, чуть не падаю и тут же вздрагиваю: когда сбиваюсь с ритма шагов, слышу, что кто-то идет сзади, негромко шаркая.

Становится по-настоящему страшно, сердце в пятки падает. Оборачиваюсь, стараюсь рассмотреть в темноте хоть что-то, но до ближайшего фо-

наря еще метров двадцать, тут темно жутко, даже силуэтов не видно.

Дышу через раз, язык немеет, мне, черт возьми, страшно! Я спиной чувствую острый взгляд, ощущаю, что кто-то идет сзади, и пытаюсь прибавить шаг, чтобы отдалиться хоть немного.

Снова спотыкаюсь.

Чудом удерживаюсь на ногах. Дышу.

Иду дальше. Трясущимися руками копошусь в сумочке, пытаюсь отыскать телефон.

Мне так страшно... Мне настолько страшно, что потеют ладони и сердце выпрыгивает, грудная клетка ходуном, впору вызывать «Скорую», ссылаясь на предынфарктное.

Я его слышу. Чувствую. Мне до тошноты жутко, я не понимаю ни черта. Хочется плакать. Слезы комом встают в горле, от этого тяжело дышать.

Это маньяк? Нашел одну-единственную дуру, гуляющую по ночам в пустом спальном районе?

Дохожу до фонаря и быстро оборачиваюсь: до маньяка метров пятнадцать. Невысокий, в капюшоне, руки в карманах, больше ни черта не видно, но и этого хватает, чтобы паника с новой силой подкатила к горлу.

Вряд ли это мирный житель соседского дома, да? Или заботливый внук, решивший проведать бабушку на ночь?

Саша, блин, наслушалась от нее про маньяков, а теперь жутко до смерти! А вдруг правда...

Наконец-то достаю телефон, открываю телефонную книгу и жму на первый контакт, пытаюсь

дозвониться. Так же легче, да? Не так страшно, да и преследователя может отпугнуть.

Я надеюсь на это.

Я очень надеюсь!

— Антош, — говорю сразу, как только тот берет трубку, — ты сильно занят сейчас?

— Что случилось, Даш? — звучит в трубке, и на крохотный процент мне становится легче. На самую малость. Но я уже не чувствую себя так уязвимо.

Бегу еще быстрее, радуюсь, что тут уже светят фонари. Очень надеюсь, что не упаду и не облепчу маньяку задачу. Оборачиваюсь. Замедлился. Но все равно страшно до одури.

— Ничего особенного, — тараторю, не понимая, что несу, — я гуляла с подружкой, теперь иду домой, а за мной какой-то мужик! Мне пройти осталось три дома до своего, просто поговори со мной, пожалуйста, очень страшно, с тобой спокойнее.

Голос срывается пару раз, дышать еще тяжелее. Сумочка падает с плеча, ловлю ее в воздухе. Нервничаю.

Кажется, я никогда не дойду до дома. На страхе и адреналине это расстояние кажется просто огромным.

Стопы и икры горят огнем от напряжения, грудь разрывается от гулких ударов сердца. Стараюсь держаться.

— Горе ты, Даша! — рычит Антон, но не злится. Переживает, слышу. — Куда ехать?

О его заботе я обязательно подумаю когда-нибудь потом. Сейчас мне кажется, что маньяк перестал меня преследовать и решил обойти по кругу, чтобы встретиться со мной лицом к лицу.

Твою...

Дышу. Я очень стараюсь. Я очень стараюсь, но не получается ни черта!

— Никуда не надо, мне два дома осталось, я у семнадцатого уже! — говорю погромче, пусть преследователь знает, что люди в курсе о моем местонахождении!

У меня лучшая подруга — фанат всех сериалов мира про маньяков, я даже в стрессовой ситуации помню, что нужно делать для своего спасения.

— Давно идет за тобой?

— Как во дворы свернула, не видела его до этого, а тут сразу из-за угла появился. Страшно, но он замедлился, когда я тебе позвонила, а еще тут фонари хорошо горят, я почти прибежала!

— Даш, ну как так? Такси не ходят? Я есть, в конце концов!

Нет тебя у меня больше, Ковалев. Нет больше.

— Тош, не ругайся, я вот пришла уже!

Голос дрожит, руки еще сильнее. Не с первой попытки попадаю магнитом, чтобы открыть подъездную дверь. Оборачиваюсь, смотрю по сторонам, прежде чем войти. Никого...

Сердце все еще стучит очень сильно, но голос Антона и отсутствие рядом маньяка немного успокаивают дыхание.

Ну и что это было...

— Я в подъезде, — оповещаю Антона. Вызываю лифт. Хотя такой накал эмоциональный, что даже в этой тесной кабинке неспокойно.

Рассматриваю себя в зеркало в тусклом свете лампочки, пока еду на свой этаж: растрепанная, испуг в глазах читается явно, губы малиновые, кусала...

Антон пытается заболтать меня, чтобы я перестала волноваться, и сейчас за это я люблю его сильнее всех на свете. Я рада, что именно его контакт был первым в телефонной книге и что, несмотря ни на что, он ответил на звонок и помог мне справиться с накатывающей паникой.

— Зашла? — спрашивает, когда замыкаю дверь. Сумка тут же из рук выпадает, на тело наваливается усталость. Адреналин уходит, меня ноги не держат просто, сил нет ни на что больше. Даже до ванной дойти, чтобы умыться. Сажу в прихожей на маленьком пуфике и чувствую, как слезы, стоявшие в горле, подкатывают к векам. Мне было страшно гораздо сильнее, чем казалось в моменте...

— Зашла, — всхлипываю в трубку.

— Запрись на все замки и найди в себе силы дойти до кровати, пожалуйста. Давай, Даш, я с тобой, нужно все это сделать.

Я пытаюсь. Правда. Но руки и ноги не слушаются почти...

Антон просит дышать, считает мне секунды для того, чтобы я медленно выдыхала, и это действительно помогает. Силы не возвращаются, но плакать не хочется. И я все-таки с трудом встаю, что-

бы закрыть цепочку и еще один замок, и бреду по квартире до спальни, прямо в одежде заваливаясь на кровать.

Жарко, душно. Но меня колотит. Залезаю под одеяло, укутываясь до самого носа, и пытаюсь успокоиться окончательно.

— Все, Даш, ты в безопасности, закрывай глаза, тебе стоит поспать, — говорит Антон и, кажется, добавляет еще пару слов, но я уже не слышу.. Проваливаюсь в сон, абсолютно вымотанная жутким вечером. Таких приключений со мной еще не случалось...

Глава 2

Даша

Я слышу сквозь сон какие-то странные звуки, но голова настолько чугунная, что подняться, чтобы понять происходящее, у меня нет сил.

Что-то стучит, кажется, но я действительно не могу сообразить, что это и кто виновник этих звуков. Может, соседи? Тогда можно спать дальше...

— Дарья! — внезапно разносится по квартире грубым и дико злым голосом, и я подпрыгиваю на кровати с новой порцией страха.

Отец...

Папа живет в центре города, но иногда приезжает ко мне на выходные. Мамы у меня нет, отец работает, кажется, круглосуточно в своей фирме, и видимся мы довольно редко, но это не спасает меня от его нотаций и вечного желания контролировать. Я единственный ребенок, он один воспитывает меня с семи лет, но иногда его переживания переходят все границы.

Встать с кровати не успеваю, он уже появляется на пороге комнаты. Злющий, волосы почти дыбом, дышит тяжело, как бык перед нападением. Я точ-

но маленький хомяк рядом с ним, дотронься до меня — и нужно будет «Скорую» вызывать.

Я очень сильно люблю папу. И знаю, что папа любит меня. Но он сложный человек, с которым не всегда легко договориться, а еще и годами выработанный командный тон не добавляет веселья нашему общению.

— Дарья, какого черта? — влетает он в комнату. Я все еще сижу на кровати. В одежде, в которой гуляла вчера... Боже. Прикрываюсь одеялом, чтобы отец не подумал ничего плохого, и делаю глазки кота из мультика, только бы он не ругался сильно. — Я стоял в подъезде пятнадцать минут! Потому что дверь была закрыта на цепочку, а ты не могла открыть, когда я стучал, или хотя бы взять трубку!

Он злится, очень сильно, а у меня совершенно нет сил, чтобы хоть что-то попытаться ему объяснить. Ночное приключение высосало из меня всю энергию, мне действительно так хреново, что, кажется, поднялась температура. От стресса, наверное...

Пытаюсь помять руками шею — ломит, неприятно — и закрываю глаза, дослушивая, какая я бесовестная, заставила отца нервничать.

Но папа сдается быстро. Обычно его хватает минут на двадцать, а сегодня и того меньше: он видит, что мне нехорошо, и тут же смягчается, хотя бубнить будет еще долго. Но уже без злости.

— Ты заболела? — Он присаживается ко мне на кровать и кладет руку на лоб. Прохладная, так хо-

рошо... Кажется, я и правда заболела. Всегда так. Стоит мне перенервничать, как наутро поднимается температура. — Дарья, как так? Ты снова съела слишком много мороженого?

Его мне тоже много нельзя, сразу горло болит.

Киваю. Я лучше совру, что съела слишком много мороженого, чем расскажу правду, от чего у меня температура. Потому что папе такое нельзя рассказывать ни в коем случае. У него сначала будет приступ от нервов, а потом он пойдет ругаться со всей округой и искать виновника моих нервов. И не удивлюсь, если найдет.

И я бы рада, чтобы козла нашли и наказали, но нервы и здоровье папы мне все-таки дороже. Тем более что этот преследователь ничего мне не сделал. А два раза в такие ситуации не попадают ведь, да?

— Прости, пап, я просто очень крепко спала, у меня и правда температура, кажется, — выдыхаю я, и отец окончательно оттаивает. Пока он уходит в ванную, чтобы найти градусник, я быстро, хотя в моем состоянии это очень сложно, переодеваюсь в домашнее и даже успеваю нырнуть обратно под одеяло. Фух! Удалась шалость. Потому что папа не понял бы, если бы увидел, что сплю не в домашней одежде. Придумал бы себе все что угодно, кроме того, что убежала от маньяка и вырубилась на нервах без сил.

— Вот градусник, — протягивает его мне, — я на кухне, сделаю тебе чай. Я сегодня ненадолго, Дарья, работы полно.

Как будто он хоть когда-то приезжает надолго... Он работает слишком много. Чересчур. Папа всю жизнь пахал, чтобы прокормить меня и иметь возможность ни в чем меня не ограничивать. Мама бросила нас, когда мне было семь, и с тех пор папа землю роет, чтобы у меня было все. И у меня правда все есть. И на самом деле отец выстроил свою карьеру так, что ему не обязательно работать так много, но вот привычка пахать никуда не уходит, и он все так же работает с утра до вечера. Лучше бы женщину себе нашел... Он у меня такой красивый! Да толпами бы падали, если бы он только решил, что ему нужны отношения. Но... раньше он боялся меня обидеть тем, что приведет в дом женщину, а сейчас, говорит, привык один. А мне грустно от этого. Он хоть и противный, но очень хороший.

Градусник пищит, заставляя меня вынырнуть из мыслей. Держу его еще секунд двадцать, достаю, и картина маслом: тридцать восемь. Как всегда... Радует одно: обычно температура, вызванная нервами, проходит на следующий день. Надеюсь, так и будет. Потому что болеть я сильно не готова. Во-первых, это скучно. Во-вторых, хватит и того, что во-первых. Живу одна, толпы друзей у меня нет, только Сашка, но она живет далеко, да и заражать ее не хочется. Еще был Антон, но... Боюсь, общение наше уже явно не на той стадии, когда он мог бы приезжать ко мне с апельсинами.

Телефон жужжит на тумбочке, поднимаю его и улыбаюсь: Антон. Только подумала о нем. Спрашивает, в порядке ли я. Заботливый... повезет той,

кто не проворонит свое счастье, как это сделала я. Сама виновата. Нечего жалеть теперь.

— Дарья, что с температурой? — Папа никогда не называет меня Дашей, кстати.

— Тридцать восемь...

Он застывает в дверном проеме с чашкой чая и смотрит на меня чуть строго, как будто бы я виновата в том, что у меня температура. Всегда так делает! Лишний раз и болеть не хочется.

— У меня командировка на две недели, и как мне тебя одну теперь оставлять в таком состоянии? — спрашивает папа, укрывая меня одеялом по сильнее. А я только на секунду задумалась, что перебраться к папе на пару недель было бы очень здорово. И не из-за температуры, конечно. А из-за... Я умом понимаю, что вряд ли это был какой-то серийный убийца, который заприметил меня и теперь, пока я не стану его жертвой, не отстанет. Скорее всего, это какой-то залетный идиот, который хотел добиться своего в моменте. У него не вышло, и преследовать меня он, конечно, не станет...

Умом-то понимаю! Но вот Сашка, подруга моя лучшая, в голове моей сидит и голосом мелодичным на ухо поет, что надо остерегаться теперь, по сторонам смотреть, а еще лучше запереться дома на двенадцать замков, заколотить все окна и нос никуда не высовывать. А если и высовывать, то только с мешком за спиной, где будет нож, перцовка, бита, молоток, шокер и еще куча всего. И обя-

